

УДК 811.11'42

КАТЕГОРИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Лещенко А. В.

Черкасский государственный технологический университет

В статье напряженность рассматривается в качестве категории текста, содержание которой анализируется в контексте современных психологических и нарратологических исследований. Сущность понятия напряженности представлена единством нескольких компонентов: конфликтной ситуации, неопределенности, предвкушения и эмоциональной значимости.

Ключевые слова: *напряженность, когнитивно-аффективный, конфликт, неопределенность, предвкушение, эмоциональная значимость.*

Лещенко Г. В. Категорія напруженості: зміст поняття. У статті напруженість визначається як категорія тексту, зміст якої аналізується в контексті сучасних психологічних і нарратологічних досліджень. Сутність поняття напруженості представлена єдністю кількох компонентів: конфліктної ситуації, невизначеності, очікування й емоційної значущості.

Ключові слова: *напруженість, когнітивно-афективний, конфлікт, невизначеність, очікування, емоційна значущість.*

Leshchenko H. V. Tension as a category: the core of notion. In this article tension is conceptualized as a text category which content is viewed in the framework of modern psychological and narratological studies. The essence of tension is represented by the integrity of several components: conflict, uncertainty, anticipation and emotional significance.

Key words: *tension, cognitive and affective, conflict, uncertainty, anticipation, emotional significance.*

Постановка проблемы. Категория напряженности относится к разряду лингвистических феноменов, пока еще не получивших должного освещения в работах по теории и лингвистике текста, что объясняется целым рядом причин, главной из которых является комплексный характер анализируемого понятия, разностороннее описание которого требует междисциплинарного подхода, объединяющего наработки психологии, нарратологии, когнитивной поэтики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, литературоведения, рецептивной эстетики и других наук. Построение целостной концепции напряженности предполагает обобщение и систематизацию существующих трактовок описываемого явления и выработку единого системного подхода к изучению формирующих его лингвокогнитивных факторов, связанных с автором и читателем текста.

Анализ последних исследований и публикаций. Обзор научных публикаций, затрагивающих проблемы описания категории напряженности (работы В. Г. Адмони, В. Куликова, Н. Л. Мышкиной, Т. В. Юдиной, Е. Л. Словицкой, М. Н. Ельцовой и др.), позволяет говорить о весьма широком толковании используемого термина, действительного как для сферы языка, так и для сферы речи. В сфере языка напряженность ассоциируется с понятием информационной неполноты гештальта, поддерживаемой многозначностью языковых единиц. В сфере речи/текста рассмотрение феномена напряженности сводится, как правило, к анализу разновневных языковых средств, с помощью которых

описываются различные психологические состояния персонажей как реакции на развитие нарративных событий. При этом вне поля зрения восточноевропейских исследователей остается сфера читательской рецепции, где понятие *напряженности* (текста) коррелирует с понятием *напряжения* (читателя), что требует расширения существующего формата изучения феномена напряженности. В этом и заключается **актуальность** исследования.

Целью статьи является уточнение содержания понятия «напряженность» в контексте современных рецептивно-психологических и нарратологических исследований, посвященных описанию соответствующих аспектов анализируемого явления. Поставленная цель предполагает выполнение следующих задач: (1) определить содержательный объем термина «напряженность» и стоящего за ним понятия, (2) дифференцировать основные компоненты напряженности и (3) описать характер их взаимодействия.

Изложение основного материала исследования. С точки зрения психологии напряженность/напряжение (от англ. *tension*) является комплексным полипараметральным понятием, охватывающим различные аспекты человеческой деятельности (от физиологического состояния мышечного напряжения до эстетической реакции на определенные культурные артефакты). Разнообразие контекстов повседневной жизни, в которых индивид испытывает напряжение, связанное с предвкушением разрешения неопределенной, но потенциально значимой для него ситуации (например, ожидание медицинского диагноза, результатов экзамена или собеседования и т. п.), позволяет говорить о том, что напряженность является одним из фундаменталь-

ных аспектов когнитивно-эмотивной деятельности человека, в основании которой лежат сложные психологические и нейрофизиологические процессы и механизмы [7, 1].

В современных когнитивно-психологических исследованиях под **напряженностью** понимают «аффективное состояние, (а) ассоциируемое с понятием конфликта, диссонанса, нестабильности или неопределенности; (б) вызывающее острое желание скорейшего разрешения ситуации; (в) касающееся событий, имеющих потенциальную эмоциональную значимость для индивида; и (г) включающее в себя процессы ожидания, предвкушения и прогнозирования» [7, 2]. При этом под аффективным состоянием подразумевают психо-физиологическое состояние организма, возникающее как ответная реакция на внешние и/или внутренние стимулы [5]. Термин «аффективное состояние», используемый в определении напряженности, требует пояснения, поскольку в восточноевропейской и западной психологии он трактуется по-разному. Восточноевропейские психологи традиционно используют узкую трактовку указанного термина, в соответствии с которой аффектом именуется «внезапный кратковременный интенсивный эмоциональный всплеск, взрыв, в пределах которого сознание человека сужается (будучи направленным на источник аффекта), а уровень самоконтроля снижается» [3, 15]. При этом исследователи, как правило, разграничивают эмоции, чувства, ощущения и аффекты, исходя из их оценочности, продолжительности и интенсивности [3, 16–17].

В западной когнитивной и социальной психологии терминологический объем понятия «аффект» выходит за рамки его специфической интерпретации как реактивного состояния психики и обозначает гораздо более широкое явление, рассматриваемое в качестве «неотъемлемой части единой когнитивно-репрезентационной системы» [4, 6]. Результаты последних исследований в области нейропсихологии и нейрофизиологии свидетельствуют о существовании отчетливой двусторонней связи между аффектом и когницией: как различные аффективные состояния оказывают существенное влияние на когнитивные функции и поведенческие реакции человека, так и когнитивные процессы и механизмы способствуют идентификации аффектов и восстановлению контроля над ними [4, 6]. Одни исследователи отождествляют понятия аффекта и эмоции, используя эти термины как взаимозаменяемые [6, 6], другие – приписывают аффекту статус обобщающего понятия, включающего в свой состав, помимо базовых эмоций, эмоциональные паттерны, физиологические драйвы, а также процессы и результаты их взаимодействия [2, 70]. Так или иначе, в самом общем смысле под **аффектом** понимается ответная реакция индивида на определенные внешние и/или внутренние факторы, характеризующаяся изменением его эмоционального, а в некоторых случаях и физиологического состояния. Так, на основании данных эмпирических исследований (Д. Цильманн (1975), К. Крумхансл (1997), Крейбиг (2010) и др.) была установлена связь между усилением напряженности и изменением физиологических характери-

стик человеческого организма (показателей пульса, частоты дыхания, артериального давления, проводимости кожных покровов, температуры тела) [7, 3].

В современной когнитивной психологии напряженность трактуется как аффективное состояние, в основе которого лежат процессы прогнозирования (*predictive processes*). Последние не только выступают в качестве базового принципа устройства человеческого сознания (Р. Грегори (1980), Д. Деннетт (1996)) и функционирования мозга (М. Бар (2007), К. Фристон (2010), Л. Арнал и А. Жиро (2012), А. Кларк (2013) и др.), но и играют ключевую роль в формировании эмоций [7, 2]. Это обстоятельство, по мнению исследователей, позволяет говорить о когнитивно-аффективной природе феномена напряженности, представляющего собой «недостающее звено» (*missing link*) в цепи, соединяющей «холодные» (*cold*) когнитивные процессы, с одной стороны, и «горячие» (*hot*) эмоциональные процессы – с другой, что указывает на необходимость интеграции фактора прогнозирования в общую теорию аффектов» [7, 2].

В соответствии с положениями общей психологической модели напряженности, предложенной Моритцом Лене и Стефаном Келшем [7, 3–7], данное понятие включает в себя четыре компонента, взаимодействие которых конституирует соответствующее аффективное состояние: 1) конфликт/диссонанс/нестабильность (*conflict/dissonance/instability*); 2) неопределенность (*uncertainty*); 3) ожидание/прогнозирование/предвкушение (*expectation/prediction/anticipation*); 4) эмоциональная значимость (*emotional significance*). Рассмотрим каждый из этих компонентов более подробно.

Состояние напряженности, как правило, возникает как реакция на события, связанные с **конфликтной** ситуацией (в реальной жизни), либо с ее описанием (например, в литературе), либо с ощущением нестабильности, дисгармонии (к примеру, в музыке) и т. д., что вызывает у субъекта желание восстановить состояние равновесия. По мнению исследователей, в основе этого явления лежат процессы так называемого «психологического гомеостаза» организма, т. е. стремление разрешить психологические конфликты и противоречия с целью достижения состояния стабильности и баланса. Этот же механизм является основополагающим и в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, согласно которой индивид пытается устранить возникший психологический диссонанс для того, чтобы вернуться в исходное «гармоничное» когнитивное состояние (Л. Фестингер (1957), Дж. Купер (2007) и др.) [7, 4].

Однако следует учитывать тот факт, что стремление к стабильности отнюдь не означает, что состояние напряженности всегда сопряжено с негативными эмоциями (например, со страхом или тревогой) или что ощущение устойчивого равновесия всегда является более предпочтительным, чем состояние напряженности. Напротив, в некоторых случаях события, вызывающие напряженность, могут восприниматься как позитивные, поскольку влекут за собой интенсивные эмоциональные переживания и

ощущения радостного возбуждения, которые невозможно испытать в состоянии эмоционального равновесия. В первую очередь, это относится к аффективным состояниям, возникающим в различных эстетических контекстах (при восприятии литературных, кинематографических, музыкальных произведений, радиопьес, театральных постановок и пр.).

Второй компонент напряженности – неопределенность – связан с развертыванием конфликтной или нестабильной ситуации и попытками субъекта снять возникшую неопределенность. Психологическим обоснованием данной теории является «стремление к контролю» (*need for control*), рассматриваемое исследователями в качестве одной из самых общих характеристик системы поведенческих реакций человека. С целью самоидентификации в условиях окружающей действительности индивид должен постоянно ставить себя в ситуации, которые позволяют ему влиять на ход событий. Если это невозможно осуществить путем активного контроля, то он пытается использовать эту возможность с помощью прогнозирования, т. е. путем пассивного контроля, что само по себе снижает неопределенность развития событий [8, 53]. По замечанию П. Вусса, понятие контроля обычно связывают с когницией, однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что фактор контроля оказывает существенное влияние и на формирование эмоций. Как правило, достижение состояния контроля и снятие неопределенности сопровождается позитивными эмоциями, а утрата контроля – негативными [8, 54].

В когнитивной психологии неопределенность рассматривается в рамках теоретической концепции обработки информации и определяется понятием «информационный дефицит». В соответствии с положениями данной концепции, отсутствие необходимой прагматической информации того или иного рода вызывает определенный спектр эмоций, запускающих «особый нейромеханизм, служащий для компенсации информационного дефицита,

который испытывает организм при организации процесса адаптации» [8, 54]. Неудовлетворенная потребность в прагматической информации всегда является источником эмоциональной напряженности, степень которой зависит как от интенсивности самой потребности, так и от разницы между количеством информации, необходимой для снятия неопределенности, и информации, имеющейся в распоряжении индивида, поэтому компенсаторный механизм включает в себя процесс прогностической оценки, определяющий потребность в дополнительной информации [8, 54].

По замечанию М. Лене и С. Келша, неопределенность может принимать различные формы и касаться различных аспектов ситуации: *кто-это-сделал?*, *что может произойти, как это может произойти, когда это может произойти и произойдет ли что-то вообще* [7, 4]. Неопределенность как условие формирования напряженности напрямую связана с состоянием предвкушения, которое испытывает индивид в ожидании исхода событий.

Состояние ожидания/предвкушения обусловлено процессами оценки и прогнозирования, которые осуществляются индивидом по мере разворачивания событий, будь то события реальной жизни или фикционального мира. Исследователи связывают это состояние с эмоциями надежды и страха: предвкушаемые события с позитивной валентностью вызывают эмоцию надежды, тогда как возможные негативные события вызывают ощущение страха и тревоги. Поэтому чаще всего эмоциональная валентность напряженности определяется эмоциональной валентностью ожидаемой развязки [7, 6]. В большинстве случаев эти две эмоции сосуществуют, поскольку исход событий может быть как позитивным, так и негативным. При этом степень напряженности может варьироваться в каждом конкретном случае в зависимости от соотношения прогнозируемых исходов ситуации: при вероятности «крайне благоприятного» и «крайне неблагоприятного» разрешения степень интенсивности напряжен-

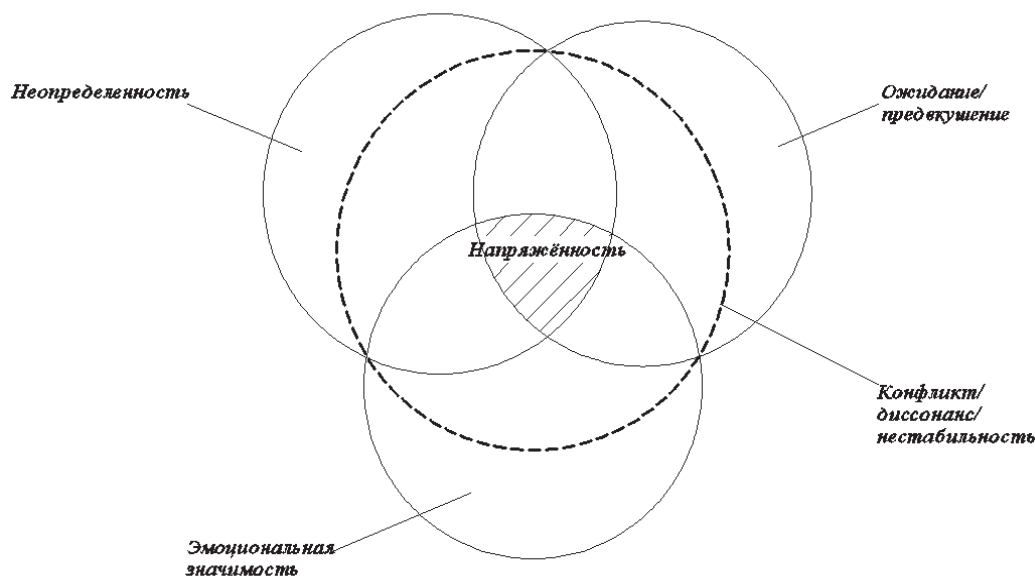

Рис. 1. Психологическая напряженность: компоненты модели

ности будет значительно выше, чем при вероятности «сравнительно благоприятного» и «нейтрального» исхода [7, 4].

В отдельную категорию М. Лене и С. Келш выделяют так называемую «диффузную напряженность», связанную с ощущением приближения каких-то значимых событий (*“something” significant will happen*). Как правило, чем более размыта (*divergent*) эмоциональная валентность ожидаемых событий, тем более расплывчатым и неопределенным (*unspecific*) является состояние напряженности [7, 6].

Последний из основных компонентов напряженности – эмоциональная значимость – связан с тем, что индивид в ожидании исхода событий *лично* заинтересован в том, чтобы какое-то конкретное событие произошло (либо не произошло). Иными словами, напряженность могут вызвать только те события, которые непосредственно касаются субъекта и являются для него значимыми или желательными, причем независимо от их эмоциональной валентности (ожидание результатов розыгрыша лотереи в одном случае или ожидание результатов медицинского обследования – в другом) [7, 5]. Данное утверждение созвучно с положениями когнитивной теории эмоций, согласно которой эмоции – суть результат оценки ситуации с точки зрения интересов субъекта (К. Оутли и П. Джонсон-Лэрд), а также с положениями теории эмоций, основанной на вычислении ожиданий и желаний (*computational belief-desire theory of emotion*) (Р. Райзенцайн) [7, 5].

В отличие от событий реальной жизни, в различных эстетических контекстах напряженность поддерживается созданием положительного образа протагониста и апеллированием к моральным ценностям читателя/зрителя, что приводит к его идентификации с персонажем и возникновению эмпатии по отношению к герою (П. Хоган, К. Оутли) [7, 6].

Таким образом, в современной психологической трактовке когнитивно-аффективный феномен **напряженности** рассматривается как интегративное единство четырех основных факторов (конфликтной ситуации, неопределенности, ожидания и эмоциональной значимости), результатом взаимодействия которых

является формирование у индивида особого психологического состояния, характеризуемого различной степенью интенсивности позитивных/негативных ощущений. Если представить каждый из упомянутых четырех компонентов в виде полевой структуры, то их взаимодействие можно изобразить с помощью кругов Эйлера (рис. 1).

Предлагаемая нами графическая репрезентация психологической модели напряженности не только отображает взаимодействие ее компонентов, но и позволяет установить их причинно-следственную связь: поле «конфликт/диссонанс/нестабильность» определяет *источник* напряженности, в то время как остальные поля маркируют *результативные* состояния напряженности.

В сугубо лингвистическом плане напряженность/напряжение определяется как многоаспектный, «сквозной» феномен (термин О. П. Воробьева), реализуемый в языке и тексте в нескольких ипостасях: 1) как общий принцип структурирования и функционирования языка; 2) как сущностная характеристика образности; 3) как один из приемов построения сюжета и развертывания нарратива; 4) как составляющая механизма эмоционального резонанса; 5) как коммуникативный принцип смыслопорождения, будь то собственно смысл или бессмыслица [1, 44]. В терминах нашего исследования под напряженностью мы понимаем стратегию повествования, предполагающую особый способ построения и развертывания сюжета и имеющую целью формирование у читателя состояния интенсивного эмоционального возбуждения.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Предложенный нами подход к уяснению когнитивно-аффективной природы напряженности позволяет рассматривать ее в качестве семиотической категории текста, имеющей свое содержание (читательское напряжение) и собственные способы выражения, представленные не столько текстовыми элементами, сколько текстом как семиотическим целым. Определение и системное описание языковых средств выражения текстовой категории напряженности является темой отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева О. П. Лингвистика сегодня: реинтерпретация эпистемы / О. П. Воробьева // Вісник КНЛУ. Серія «Філологія». – 2013. – Т. 16. – № 2. – С. 41–47.
2. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб.: Питер, 2011. – 461 с.
3. Харкевич Г. І. Стан тривоги в контексті художньої семантики : [монографія] / Г. І. Харкевич. – Луцьк : Вежа-Друк, 2012. – 136 с.
4. Forgas J. P. Handbook of affect and social cognition / J. P. Forgas. – Mahwah, NJ : Taylor & Francis, 2000. – 480 p.
5. Harmon-Jones E. Does negative affect always narrow and positive affect always broaden the mind? Considering the influence of motivational intensity on cognitive scope / E. Harmon-Jones, P. A. Gable, N. F. Price // Current Directions in Psychological Science. – 2013. – № 22 (4). – P. 301–307. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cdp.sagepub.com/content/22/4/301>.
6. Iwata Y. Creating suspense and surprise in short literary fiction: a stylistic and narratological approach / Y. Iwata // A thesis submitted to School of Humanities of the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. – Birmingham, 2008. – 287 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://etheses.bham.ac.uk/284/1/Iwata09PhD.pdf>.
7. Lehne M. Toward a general psychological model of tension and suspense / M. Lehne, S. Koelsch // Frontiers in Psychology. – 2015. – Vol. 6. – P. 1–11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4324075/>.
8. Wuss P. Narrative tension in antonioni / P. Wuss // Suspense: Conceptualizations, theoretical analyses, and empirical explorations / H. J. Wulff ; ed. by P. Vorderer, H. J. Wulff, M. Friedrichsen. – New York-London : Routledge, 1996. – P. 51–70.